Е. Некрасова

И. А. ДМИТРЕВСКІЙ
первый русскій знаменитый актеръ

1893

Изданіе В. И. № 49.

Иванъ Аѳанасьевичъ

ДМИТРЕВСКІЙ,

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ

ЗНАМЕНИТЫЙ АКТЕРЪ.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и К°., Валовая улица, собствен. домъ.
1893.

Дозволено цензурою. Москва, 20 октября 1892 г.

I.

Устроитель перваго народнаго театра на Руси былъ купеческій сынъ — Өедоръ Григорьевичъ Волковъ *). А первый знаменитый актеръ прозывался Иванъ Аөанасьевичъ Дмитревскій, сынъ ярославскаго священника.

И Волковъ, и Дмитревскій—оба жили въ Ярославлѣ, оба учились у жившаго тамъ нѣмецкаго *пастора* (священника). Волковъ лѣтъ на пять былъ старше Дмитревскаго, но оба мальчика были большими друзьями. Особенно ихъ сблизила любовь къ театральнымъ забавамъ.

Волковъ своими разсказами о Петербургѣ, о тамошнемъ театрѣ поразилъ Дмитревскаго. Ивану Аөанасьевичу самому захотѣлось сдѣлаться актеромъ. Потому никто изо всѣхъ товарищей Вол-

---

*) Смотри книжку: *„Волковъ, устроитель перваго народнаго театра въ Россіи“*.

кова не былъ такъ радъ его затѣѣ—устроить театръ въ Ярославлѣ, какъ Дмитревскій.

До этого времени Дмитревскій очень прилежалъ къ книжному ученью. Какъ сынъ священника, онъ обучался въ духовномъ училищѣ — *въ семинаріи* и былъ тамъ однимъ изъ лучшихъ и способныхъ учениковъ. Но семинарскаго ученія ему было мало. Онъ ходилъ еще обучаться нѣмецкому языку къ пастору и тутъ учился не менѣе прилежно. Отецъ Ивана Аѳанасьевича былъ увѣренъ, что изъ сына выйдетъ учитель церкви, и готовилъ его во дьячки. Да и самъ Иванъ Аѳанасьевичъ давно рѣшилъ идти въ духовное званіе. Какъ вдругъ изъ Петербурга возвращается Волковъ и своими разсказами о народномъ театрѣ кружитъ голову Дмитревскому.

Въ это время Дмитревскому было всего четырнадцать лѣтъ. Тогда онъ прозывался не Дмитревскимъ: онъ носилъ еще фамилію своего отца—*Дьяконовъ*.

II.

По пріѣздѣ изъ Петербурга Волковъ открываетъ въ Ярославлѣ народный театръ и приглашаетъ Ванюшу Дьяконова поступить къ нему въ

актеры. Дьяконовъ радъ. Тотчасъ бросаетъ семинарію и всѣ книжки; все время съ утра до вечера проводитъ у Волкова, вмѣстѣ съ нимъ разучиваетъ *пьесы* (театральныя представленія). И вотъ уже скоро настанетъ тотъ день, когда онъ появится актеромъ на новомъ театрѣ.

Извѣстно, какъ нехорошо въ старину смотрѣли на званіе актера. Его занятіе считали безполезнымъ, пустымъ; въ немъ видѣли одну забаву. Званіе актера въ тѣ времена казалось даже унизительнымъ. Актера иначе не называли, какъ „скоморохъ“. Потому неудивительно, что отецъ Ивана Аѳанасьевича, священникъ Дьяконовъ, былъ противъ желанія сына — поступить въ актеры. Много непріятныхъ разговоровъ пришлось выдержать сыну съ отцомъ по этому поводу.

— Иванъ!—разъ обратился священникъ къ сыну,—правда ли, я слышалъ... будто ты...

При этомъ отецъ пристально взглянулъ въ глаза сыну.

Сынъ не сморгнулъ, но все лицо его покрылось блѣдностью. Онъ давно ждалъ объясненія съ отцомъ и теперь догадывался, куда отецъ клонитъ рѣчь.

— Правда ли, что ты задумалъ идти въ актеры? — продолжалъ отецъ.— Что жъ молчишь? Отвѣчай!.. Можетъ, ты находишь, что актерское

званіе благороднѣе служителя церкви? Мѣсто дьячка для тебя унизительно, а занятіе скомороха будетъ благороднѣе?

— Батюшка! — началъ Иванъ Аѳанасьевичъ дрожащимъ голосомъ, — я такихъ думъ не думалъ. Никогда не унижалъ я въ своихъ мысляхъ званія духовнаго. Всегда оно для меня было и будетъ почтенно.

— Такъ, значитъ, все, что̀ говорятъ о тебѣ, неправда? — перебилъ отецъ. — Ты отъ дьячковскаго мѣста не отказываешься? Не идешь въ скоморохи? Не позоришь честнаго отцовскаго имени?

— Батюшка! не сердитесь! Выслушайте меня. Я не хотѣлъ... не хочу... Но что̀ же мнѣ дѣлать, когда...

— Когда что? — спросилъ, нахмуривъ брови, отецъ.

— Когда вся моя душа, всѣ мои помыслы заняты только театромъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Волковъ устроилъ въ сараѣ отчима первое представленіе, я ни говорить, ни думать ни о чемъ не могу. Я весь заполоненъ мыслями о театрѣ. Иду ли, сижу ли, ложусь ли спать, говорю ли съ кѣмъ, — а на умѣ все театръ... Разсудите сами, куда же я годенъ? Могу ли съ такими мыслями идти въ служители церкви? Могу ли стоять у престола Божія?

— Черезчуръ много разговариваешь,—сурово замѣтилъ отецъ.— Слѣдовало бы разсуждать поменьше. У дѣтей одно дѣло: слушаться родителей. Родители лучше знаютъ, что̀ дѣтямъ надо. А ты... ты, кажется, задумалъ выйти изъ повиновенія, задумалъ по-своему самъ устроить свою судьбу... Отъ такого сына добра ждать трудно.

Отецъ говорилъ сурово. Но въ его голосѣ слышалась жалость къ любимому сыну.

— Надѣюсь, ты одумаешься,—сказалъ онъ, помолчавъ немного:—поймешь, что отецъ желаетъ тебѣ добра. Старческіе глаза видятъ дальше молодыхъ. Потому ихъ и надо слушаться, а не своихъ дурацкихъ желаній... Но будетъ, довольно. На нынѣшній день оставимъ разговоръ...

И отецъ вышелъ изъ комнаты.

Иванъ Аѳанасьевичъ долго стоялъ, задумавшись, на томъ же мѣстѣ. Потомъ провелъ рукой по лбу, словно отгоняя непріятныя мысли.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ онъ со вздохомъ,—какъ ни тяжело огорчить батюшку, а мнѣ своего рѣшенія не перемѣнить. Театръ—это моя жизнь. Безъ театра... да безъ театра я и представить себя не могу! Безъ театра мнѣ и жизни не надо... Нѣтъ,—чего бы ни стоило, а я поступаю въ актеры. Какъ ни тяжело огорчить батюшку, а придется перешагнуть черезъ это огорченіе.

III.

И Иванъ Аѳанасьевичъ остался твердъ въ своемъ рѣшеніи. Много непріятностей вынесъ онъ изъ-за званія актера: противъ него былъ не одинъ отецъ, а всѣ родные, все начальство семинаріи! Но онъ все же поступилъ на театръ Волкова, вошелъ въ его *труппу* (товарищество) актеровъ. И только въ одномъ онъ долженъ былъ сдѣлать уступку отцу. Отецъ еще раньше, когда Волковъ устраивалъ представленія у отчима, не захотѣлъ, чтобы сынъ-скоморохъ позорилъ его имя: онъ требовалъ, чтобы сынъ не носилъ больше фамиліи Дьяконова. И Иванъ Аѳанасьевичъ, вступая въ труппу актеровъ, вмѣсто Дьяконова, назвался *Нарыковымъ*. Волковъ и товарищи-актеры такъ и звали его Ванюша Нарыковъ. Подъ этой же фамиліей уѣхалъ онъ и въ Петербургъ, когда труппу актеровъ Волкова потребовала къ себѣ государыня Елизавета Петровна.

Въ Петербургѣ ему пришлось снова перемѣнить фамилію. Такой перемѣны пожелала сама государыня.

Она захотѣла убирать голову Нарыкова для перваго представленія. Какъ самый красивый изо

всѣхъ ярославскихъ актеровъ, Нарыковъ въ этотъ разъ долженъ былъ представлять женщину. Въ это время женщины еще не выступали у насъ на сцену (мѣсто, гдѣ представляютъ), и вмѣсто ихъ выходили переодѣтые мужчины. Государыня, надѣвая на голову Нарыкова драгоцѣнный уборъ, спросила его:

— Ка̀къ тебя зовутъ?

— Иванъ Нарыковъ.

— Нѣтъ, неправда. Не такъ тебя звать. Твоя фамилія Дмитревскій.

— Я... Нарыковъ.

— А съ этихъ поръ пусть ты будешь Дмитревскій.

Государыня такъ прозвала Нарыкова потому, что онъ походилъ на красиваго польскаго графа Дмитревскаго.

Такъ съ этой фамиліей и прославился нашъ первый актеръ. Подъ этой фамиліей онъ учился вмѣстѣ съ ярославскими актерами въ Шляхетномъ сухопутномъ корпусѣ и подъ этой же фамиліей поступилъ на казенный петербургскій театръ.

Въ Шляхетномъ корпусѣ Дмитревскій учился прилежно. Тамъ учили и разнымъ наукамъ, и французскому языку, и танцамъ. Учили также искусству читать та̀къ, какъ будто бы то̀ было не чтеніе, а настоящій разговоръ, то-есть учили

декламаціи; а это искусство необходимо для актера.

Въ корпусѣ Дмитревскій, кромѣ того, перечиталъ много книгъ. Когда же вышелъ изъ училища, то мало походилъ на прежняго неуклюжаго поповича: теперь онъ и ходилъ, и сидѣлъ, и говорилъ уже по-новому; теперь все выходило у него пристойнѣе и красивѣе.

Съ перваго же раза на казенномъ театрѣ ему было положено жалованья въ *триста рублей*. До открытія казеннаго театра Дмитревскій и въ Ярославлѣ, и въ Петербургѣ представлялъ женщинъ. Но открылся казенный театръ—и въ труппу (товарищество) актеровъ стали принимать женщинъ — *актрисъ*. Съ этихъ поръ актеры перестали выходить на сцену вмѣсто женщинъ.

IV.

Одной изъ актрисъ казеннаго театра очень полюбился красивый Дмитревскій. Дмитревскому актриса тоже приглянулась. Ее звали Аграфена Михайловна; фамилія ей была Мусина-Пушкина.

Дмитревскій за нее посватался. Она отвѣчала согласіемъ. Но въ тѣ времена актеры были люди подневольные, и безъ позволенія театральнаго

начальства ни актеръ, ни актриса не смѣли вступать въ супружество.

Первымъ *директоромъ* (начальникомъ) казеннаго театра былъ писатель Сумароковъ. Дмитревскій подалъ ему прошеніе о дозволеніи жениться. Сумароковъ самъ не осмѣлился разрѣшить, а донесъ о просьбѣ Дмитревскаго государынѣ. Государыня Елизавета Петровна дала согласіе на бракъ; мало этого: велѣла выдать Дмитревскому изъ казны триста рублей, да, кромѣ того, весь денежный сборъ съ одного изъ представленій отдать въ его пользу.

Государыня вообще очень благоволила къ русскимъ актерамъ и актрисамъ.

Разъ она была въ театрѣ. На *сценѣ* (мѣсто, гдѣ представляютъ) играла жена Дмитревскаго. Вдругъ актриса оступилась и ушибла ногу. Государыня это замѣтила. Послѣ представленія послала къ больной своего доктора, и каждый день сама подъѣзжала къ дому актрисы узнавать объ ея здоровьѣ.

Дмитревскому было двадцать-четыре года, когда онъ женился; женѣ же—восемнадцать. Они жили другъ съ другомъ счастливо, прожили вмѣстѣ двадцать-четыре года и прижили десять человѣкъ дѣтей: шесть сыновей и четырехъ дочерей. Же-

на умерла много раньше Дмитревскаго. Иванъ же Аѳанасьевичъ дожилъ до глубокой старости.

V.

Императрица Екатерина Вторая не меньше императрицы Елизаветы любила театральныя представленія. Свое восшествіе на престолъ она отпраздновала пышными уличными представленіями. Во время этихъ представленій простудился Волковъ и поплатился жизнью. Во время же этихъ празднествъ государыня Екатерина замѣтила среди актеровъ красиваго, ловкаго Дмитревскаго. Она увидала въ немъ большія театральныя способности. „Его надо послать за границу", подумала государыня: „пусть поучится у тамошнихъ славныхъ актеровъ". Черезъ нѣсколько времени она отдала приказъ, чтобы выдали Дмитревскому на поѣздку деньги изъ казны.

Въ это время за границей особенно славились два актера. Одинъ жилъ въ Англіи, въ Лондонѣ. Его звали *Гàррикъ*. Другой — *Лекѐнъ* — жилъ во Франціи, въ Парижѣ. Въ Парижъ и поѣхалъ теперь нашъ Дмитревскій, бывшій Ванюша Дьяконовъ. Ѣхать пришлось черезъ нѣмецкія земли.

Дмитревскій не пропустилъ случая посмотрѣть нѣмецкіе театры и игру нѣмецкихъ актеровъ. Но главною цѣлью его поѣздки было посмотрѣть знаменитыхъ актеровъ — Лекѐня и Гàррика. Дмитревскій не разъ слыхалъ о нихъ въ Россіи, много о нихъ читалъ. Оба актера представлялись ему вѐрхомъ совершенства. Не разъ онъ думалъ, бывало: „Ахъ, если бы у меня были деньги! Первымъ бы дѣломъ укатилъ въ Парижъ: посмотрѣлъ бы, кàкъ играетъ Лекѐнь. Вотъ у него бы поучиться! Хоть бы разокъ довелось взглянуть на этого актера!.. Но, видно, не для насъ такое счастье. Мнѣ оно на роду не написано“.

Такъ думалъ, бывало, Дмитревскій. И вдругъ теперь это самое счастье исполнялось наяву: онъ уже ѣхалъ по дорогѣ въ Парижъ.

Длиненъ и труденъ былъ въ тѣ времена переѣздъ безъ желѣзныхъ дорогъ. Теперь изъ Петербурга въ Парижъ въ двое сутокъ можно доѣхать. А тогда? Тогда, пожалуй, и мѣсяца было мало... Долго ѣхалъ Дмитревскій.

Но вотъ, наконецъ, онъ и въ Парижѣ. Какой городъ! какія улицы! какіе дома! Не городъ, а картина... Но Дмитревскому нѣтъ времени любоваться красотой города: ему надо спѣшить къ русскому посланнику, графу Шувалову. Графъ Шуваловъ проживалъ въ то время въ Парижѣ. Онъ

принялъ Дмитревскаго ласково; назвалъ ему по имени всѣхъ знаменитыхъ парижскихъ актеровъ и актрисъ.

— Совѣтую тебѣ побывать у всѣхъ,— сказалъ Шуваловъ.— А чтобы тебѣ ни отъ кого отказа не было, вотъ мои письма: передай имъ.

Въ этихъ письмахъ графъ Шуваловъ расхваливалъ Дмитревскаго, какъ умнаго человѣка и актера.

Скоро Дмитревскій перезнакомился со всѣми знаменитостями парижскаго театра. Наконецъ увидалъ и давно желаннаго Лекѐня. Дмитревскій явился къ нему съ письмомъ отъ Шувалова.

Французскій актеръ встрѣтилъ Дмитревскаго ласково, какъ добрый товарищъ, выказалъ къ нему много расположенія и заботы и тутъ же уговорилъ переѣхать къ себѣ въ домъ. Онъ же устроилъ Дмитревскому ежедневный даровой входъ въ театръ.

Такъ дружелюбно былъ встрѣченъ въ Парижѣ русскій актеръ.

Дмитревскій не пропускалъ теперь ни одного представленія. Игра Лекѐня казалась ему вéрхомъ совершенства. Онъ не сводилъ глазъ съ знаменитаго актера: ловилъ каждое его слово, слѣдилъ за каждымъ движеніемъ. Дмитревскій учился, ка̀къ должно играть. А кончено представленіе—

онъ поджидаетъ на лѣстницѣ своего знаменитаго товарища и вмѣстѣ съ нимъ возвращается домой. Всю дорогу они говорятъ о театрѣ, актерахъ, писателяхъ, живописцахъ... Чего только дорòгой и дòма не переговорили они въ свободные вечера! Дмитревскій услыхалъ тутъ много новаго. Лекèнъ за это время полюбилъ русскаго актера и привязался къ нему, какъ къ близкому человѣку.

VI.

Уже прошло восемь мѣсяцевъ со времени пріѣзда Дмитревскаго въ Парижъ. Пора было собираться въ Лондонъ смотрѣть Гàррика.

— Какъ мнѣ жаль отпускать тебя! — сказалъ Лекèнъ.

— Я и самъ радъ бы никогда не разставаться съ такимъ товарищемъ-учителемъ, да ничего не подѣлаешь. И денегъ, и времени отпущено на срокъ... Надо успѣть взглянуть на Гàррика. Неужели тебя самого къ Гàррику не манитъ?

— Очень манитъ, въ особенности теперь... Мы могли бы ѣхать вмѣстѣ! Какъ бы хорошо было!.. Развѣ попробовать похлопотать объ отпускѣ? А дадутъ — поѣдемъ вмѣстѣ.

Отпускъ получить оказалось вовсе не трудно. И черезъ нѣсколько дней оба пріятеля катили въ Лондонъ.

Гаррикъ ихъ встрѣтилъ привѣтливо. Онъ былъ уже старъ и давно оставилъ театръ, но для пріѣзжихъ актеровъ рѣшилъ тряхнуть стариной. И Дмитревскій увидалъ, наконецъ, игру знаменитаго Гаррика.

Англійскій актеръ поражалъ *мимикой*, то-есть умѣньемъ выражать любое чувство безъ словъ — движеніемъ рукъ, лица, глазъ... Онъ вдругъ могъ сдѣлать такъ, что его лицо сіяло счастьемъ; но проходила секунда — и на этомъ же лицѣ изображалась безысходная печаль. Гаррикъ до того искусно управлялъ выраженіемъ своего лица, что могъ заставить одну половину лица смѣяться, а другую — въ это же время — плакать.

Дмитревскій тоже началъ упражнять въ себѣ эту способность и скоро достигъ очень большаго успѣха. Онъ могъ теперь по своему желанію и лицомъ, и всѣми движеніями, безъ словъ, изображать различныя чувства.

Разъ какъ-то вмѣстѣ съ Лекèнемъ онъ былъ въ гостяхъ у Гаррика. Въ комнатѣ сидѣло много другихъ актеровъ. Разговоръ зашелъ объ умѣньи выражать безъ словъ различныя чувства, т.-е о *мимикѣ*.

Во время разговора Дмитревскій приподнялся съ мѣста. Вдругъ лицо его измѣнилось: онъ поблѣднѣлъ, губы посинѣли, какъ у мертвеца; весь затрясся и, словно снопъ, повалился на стулъ.

Гости и Гàррикъ въ испугѣ повскакали съ мѣстъ.

— Дмитревскому дурно!—Дмитревскій потерялъ сознаніе! — Воды! скорѣй воды!—закричали со всѣхъ сторонъ.

— Вспрыснуть его скорѣй!—засуетился перепуганный Гàррикъ,—а я сейчасъ пошлю за докторомъ.

И Гàррикъ поспѣшно направился къ двери.

— Ха-ха-ха!—вдругъ разсмѣялся Дмитревскій и вскочилъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Гàррикъ уже позвалъ слугу, чтобы послать за докторомъ, но, услыхавъ веселый смѣхъ Дмитревскаго, остановился.

— Вотъ какъ я васъ всѣхъ обманулъ!.. хорошо?—весело смѣялся Дмитревскій.

— Отлично!—закричалъ Гаррикъ входя,—превосходно! Превосходное представленіе далъ. А я-то перепугался...

И Гàррикъ сталъ обнимать Дмитревскаго. Сталъ уговаривать его, чтобы онъ что-нибудь сыгралъ на театрѣ. Дмитревскій согласился. И черезъ нѣсколько дней игралъ въ присутствіи

знаменитаго актера. Гаррикъ такъ засмотрѣлся на его игру, что даже не замѣтилъ, какъ у него въ это время отъ свѣчи загорѣлся рукавъ рубашки.

VII.

Много полезнаго услышалъ Дмитревскій въ бесѣдахъ такого опытнаго и искуснаго актера, какъ Гаррикъ. Гаррикъ могъ представиться похожимъ на любаго человѣка; могъ сдѣлать такъ, что и лицомъ, и голосомъ, и походкой—всѣмъ походилъ на того, кого хотѣлъ представить.

Разъ былъ такой случай. Въ Англіи умеръ одинъ извѣстный писатель. Отъ него не осталось ни одного портрета, а необходимо было непремѣнно приложить портретъ къ его сочиненіямъ. Обратились съ просьбой нарисовать портретъ къ извѣстному тогда живописцу Гогарту; онъ былъ другъ и пріятель умершаго писателя. Но Гогартъ отказался рисовать по памяти.

Такъ и остались всѣ безъ портрета любимаго писателя.

Но разъ какъ-то Гогартъ долго заработался въ своей мастерской. Уже давно пробило одиннадцать часовъ ночи, а онъ еще не покидалъ ра-

боты. Но вотъ и полночь. Го̀гартъ все сидитъ за работой. Только что часы пробили двѣнадцать, въ комнату отворилась дверь. Вошелъ слуга.

— Васъ спрашиваетъ господинъ. Прикажете принять?

— Кто̀ бы это такъ поздно? — подумалъ Го̀гартъ.—Ну да все равно. Проси.

Слуга вышелъ. Вслѣдъ за нимъ снова отворилась дверь.

Го̀гартъ раскрылъ глаза. Передъ нимъ стоялъ его другъ—умершій писатель. На немъ, какъ на мертвецѣ, былъ надѣтъ саванъ; мертвенная блѣдность покрывала лицо, губы были сжаты; руки сложены накрестъ.

Го̀гартъ смотритъ и не вѣритъ глазамъ.

Мертвецъ вошелъ и сѣлъ на стулъ.

Минуты двѣ длилось молчаніе. Наконецъ мертвецъ заговорилъ замогильнымъ голосомъ:

— Что же ты не снимаешь съ меня портрета?

Го̀гартъ вздрогнулъ: голосъ мертвеца былъ голосъ его умершаго друга-писателя.

— Спѣши,—продолжалъ мертвецъ,— а то мнѣ передъ разсвѣтомъ надо будетъ возвращаться въ могилу. Спѣши же, спѣши!

Го̀гартъ былъ, какъ въ лихорадкѣ. Дрожащими руками онъ взялъ карандашъ, сталъ рисовать,—и въ нѣсколько минутъ портретъ былъ оконченъ

Тогда мертвецъ поднялся со стула, медленнымъ шагомъ подошелъ къ Гòгарту, взглянулъ на портретъ и сказалъ:

— Хорошо. Я доволенъ. Дай, я пожму твою руку.

Гòгартъ замеръ отъ испуга и не шевелился.

Мертвецъ схватилъ его руку и такъ больно сжалъ, что Гòгартъ вскрикнулъ и затрясся.

Въ это время мертвецъ изо всѣхъ силъ расхохотался. Лицо его вдругъ стало мѣняться: пропала мертвенная блѣдность, всѣ складки лица расправились. Онъ сорвалъ съ себя саванъ и бросилъ на полъ.

Гòгартъ взглянулъ на него. Но то былъ уже не мертвецъ,— передъ Гòгартомъ стоялъ знаменитый Гàррикъ. Онъ, переодѣвшись мертвецомъ, пришелъ попугать Гòгарта, а также хотѣлъ заставить его нарисовать портретъ умершаго писателя.

Такъ вотъ какимъ искусствомъ обладалъ Гаррикъ. Онъ могъ представить живымъ любаго покойника. Несомнѣнно, что Дмитревскій у него многому могъ научиться.

VIII.

Изъ Лондона Дмитревскій вмѣстѣ съ Лекèнемъ поѣхалъ назадъ въ Парижъ.

Французы своей вѣжливостью, живымъ нравомъ очень пришлись по-душѣ Дмитревскому. Они подходили подъ его собственный характеръ.

Живя за границей, Дмитревскій сталъ даже лицомъ походить на иностранца. Изящно сшитый коричневый съ свѣтлыми пуговицами камзолъ; на шеѣ широкій бѣлый изъ тонкой матеріи галстукъ, съ широкими кружевами по концамъ; правильный носъ, тонкія губы, чисто выбритый подбородокъ, гладко причесанные волосы; хитрый взглядъ и хитрая улыбка. Трудно въ этомъ изображеніи признать русскаго человѣка.

Въ такомъ видѣ Иванъ Аѳанасьевичъ возвратился въ Россію. Сколько новыхъ мыслей, знаній, разсказовъ везъ онъ на родину! Сколько новаго въ театрѣ, въ жизни актеровъ, въ жизни людей вообще наглядѣлся онъ за границей! Умный Дмитревскій умѣлъ всѣмъ этимъ подѣлиться со своими единоземцами. Его поѣздка за границу прошла не даромъ для русскаго театра: онъ принесъ ему громадную пользу.

Вернувшись изъ-за границы, Дмитревскій съ перваго же представленія поразилъ всѣхъ своей игрой. Сумароковъ не вѣрилъ глазамъ своимъ: тàкъ хорошо игралъ Дмитревскій. Когда кончилось представленіе, Сумароковъ бросился ему на шею, цѣловалъ, благодарилъ, а пришелъ домой — написалъ похвальные стихи въ честь его игры.

Государыня послѣ представленія подозвала Дмитревскаго къ себѣ. Она тоже хвалила и благодарила его за игру. Съ этихъ поръ она сдѣлала его *первымъ* актеромъ, велѣла выдавать ему жалованья восемьсотъ-шестьдесятъ рублей въ годъ и назначила *инспекторомъ* (надзирателемъ) всей труппы актеровъ.

Съ этихъ поръ Дмитревскій сталъ играть на театрѣ самыя трудныя роли.

Сдѣлавшись инспекторомъ, онъ сталъ вводить новыя правила въ труппу актеровъ. Требовалъ, чтобы каждый актеръ игралъ только тѣ роли, которыя ему подъ стать. Если у актера хорошій голосъ, то чтобы онъ употреблялся для пѣнія; старикъ бы не представлялъ молодыхъ. А то до этого времени въ русскомъ театрѣ все было перемѣшано, все было безъ толка: пѣвца употребляли для пляски, а плясуна заставляли пѣть; старика заставляли представлять молодыхъ. Требовалъ

Дмитревскій также, чтобы актеры хорошо выучивали свои *роли*, то-есть тò, чтò каждому приходится говорить на театрѣ.

IX.

Самъ Дмитревскій теперь ни въ одной пьесѣ не игралъ безъ такой усердной подготовки; онъ заранѣе обдумывалъ всякое слово въ своей роли. Онъ понялъ, смотря на игру Лéкепя и Гàррика, въ чемъ состоитъ искусство актера, и теперь ему хотѣлось подготовить хорошихъ актеровъ для русскаго театра.

Для этого онъ сталъ хлопотать объ устройствѣ театральнаго училища въ Петербургѣ. А когда открылось училище, самъ сдѣлался тамъ учителемъ. Въ то время въ Россіи никто, кромѣ него, не могъ сообщить будущимъ актерамъ необходимыхъ знаній. Дмитревскій не забывалъ также дать понять ученикамъ, что актеръ не «скоморохъ». «Актеръ долженъ быть образованъ», говорилъ онъ, «честенъ, уменъ. И тогда его будутъ уважать, умные люди будутъ искать его знакомства». И собственнымъ примѣромъ Дмитревскій еще больше убѣждалъ учениковъ быть такими.

На Дмитревскаго никто уже не смотрѣлъ, какъ на скомороха. Къ нему съ уваженіемъ относились вельможи; къ нему за совѣтомъ обращались писатели: *Сумароковъ*, *Княжнинъ*, *Фонвизинъ*, *Державинъ*. Къ нему же обращался за указаніями и баснописецъ *Крыловъ*. Въ тѣ времена Крыловъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, — только что начиналъ сочинять пьесы для театра. Дмитревскій далъ ему много умныхъ совѣтовъ. Онъ никому не отказывалъ въ совѣтахъ и указаніяхъ. Если когда писатель спрашивалъ его, хорошо ли его сочиненіе, Дмитревскій, случалось, не высказывалъ прямо своего мнѣнія. Если сочиненіе было дурно, онъ не говорилъ прямо, что оно дурно, а старался сказать это, какъ можно, мягче; для этого, случалось, хитрилъ. Многіе за это его бранили, называли «лисицей». Но его хитрость въ этомъ случаѣ происходила отъ добрыхъ побужденій: ему непріятно было рѣзкимъ словомъ обидѣть человѣка, и онъ предпочиталъ давать горькое лѣкарство въ позолотѣ.

Черезъ годъ по возвращеніи изъ-за границы Дмитревскій былъ снова въ Парижѣ. Государыня послала его туда приглашать французскихъ актеровъ на русскую службу. Дмитревскому выполнить это было не трудно: онъ знакомъ былъ въ Парижѣ со всѣми театральными знаменитостями.

Нѣкоторые изъ французскихъ актеровъ согласились ѣхать въ Россію. Уже все было готово къ отъѣзду, — какъ вдругъ Дмитревскаго берутъ въ Парижѣ подъ стражу и сажаютъ въ тюрьму.

— За что же?—спрашиваетъ онъ, недоумѣвая.

— За то, что смущаете французскихъ актеровъ. Зачѣмъ вы ихъ подбиваете ѣхать въ Россію?

Что̀ было на это отвѣчать? Графъ Шуваловъ донесъ государынѣ о случившемся съ Дмитревскимъ. Государыня сейчасъ же послала французскому королю письмо, а въ письмѣ писала: «какъ вы поступаете съ моимъ подданнымъ, такъ и я поступлю со всѣми вашими въ Россіи, если вы не освободите Дмитревскаго».

Послѣ этого письма Дмитревскій былъ освобожденъ.

X.

По возвращеніи въ Россію Иванъ Аѳанасьевичъ начинаетъ хлопотать о *народномъ* театрѣ.

Уже давно былъ изданъ приказъ — пускать въ казенный театръ зрителей по разбору; значитъ, кто хуже одѣтъ да побѣднѣе, того въ театръ и не пускали. Гдѣ же тотъ театръ *для всѣхъ*, о которомъ хлопоталъ Волковъ? Такого театра не было. Это очень печалило Дмитревскаго.

И вотъ онъ поощряетъ нѣмца *Книпера* открыть народный дешевый театръ въ Петербургѣ. Для этого Книперъ построилъ театръ на Царицыномъ лугу, выписалъ сиротъ изъ московскаго воспитательнаго дома и пригласилъ Дмитревскаго обучать ихъ и готовить въ актеры. Дмитревскій охотно принялся за дѣло. Книперъ пригласилъ его давать всего двѣнадцать уроковъ въ мѣсяцъ, а Дмитревскій, вмѣсто этого, ходилъ по два раза въ день. Дѣло съ обученіемъ шло успѣшно. Изъ его учениковъ вышли искусные актеры. Такихъ же хорошихъ актеровъ подготовилъ онъ и изъ учениковъ театральнаго училища.

Но театръ Книпера существовалъ недолго. Скоро былъ выстроенъ новый казенный театръ. Въ него велѣно было пускать *всѣхъ*. И театръ Книпера закрылся. Его актеры, ученики Дмитревскаго, поступили въ новооткрытый казенный театръ.

XI.

Иванъ Аѳанасьевичъ былъ извѣстенъ также и какъ писатель. Онъ перевелъ для театра много пьесъ съ чужихъ языковъ. Зналъ нѣмецкій, французскій и англійскій языки, и съ каждаго перевелъ

по нѣскольку пьесъ. Сочинялъ и самъ пьесы для театра: «*Обманы перваго апрѣля*», «*Смотръ невѣстъ въ гулянье перваго мая*».

Дмитревскій былъ человѣкъ умный, ученый и многознающій. Высшее ученое учрежденіе—Академія Наукъ—приняло его въ число своихъ сочленовъ и поручило ему писать исторію русскаго театра. Онъ написалъ. Но вдругъ сдѣлался пожаръ—и исторія театра прежде напечатанія сгорѣла. Дмитревскій написалъ въ другой разъ и снова представилъ въ Академію Наукъ. Но въ этотъ разъ исторія театра затерялась Такъ и теперь не знаютъ, гдѣ она.

Дмитревскому было уже за пятьдесятъ, когда онъ оставилъ службу въ театрѣ. Онъ прослужилъ актеромъ тридцать-восемь лѣтъ. За такую долгую и полезную службу ему назначена была *пенсія* въ двѣ тысячи рублей. (Пенсіей называется казенное жалованье, получаемое по выходѣ со службы.)

Но и по выходѣ со службы Дмитревскій не переставалъ заниматься театромъ. Онъ представлялъ изрѣдка на театрѣ при дворцѣ. Изъ всѣхъ молодыхъ актеровъ особенно любилъ актера Яковлева и его готовилъ себѣ на смѣну; вмѣстѣ съ нимъ давалъ представленія во дворцѣ.

Послѣдній изъ польскихъ королей Станиславъ-

Августъ разъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ это время царица Екатерина Вторая уже давно умерла. На престолѣ сидѣлъ ея сынъ Павелъ.

Императоръ Павелъ и попросилъ Дмитревскаго устроить для пріѣзжаго польскаго короля во дворцѣ театральное представленіе. Дмитревскій рѣшилъ представить «Дмитрія Самозванца» и пригласилъ играть вмѣстѣ съ собой своего ученика Яковлева. Себѣ онъ взялъ самую видную роль, а только что начинающему Яковлеву далъ роль поменьше.

Началось представленіе. Дмитревскій игралъ хорошо, а молодой Яковлевъ еще лучше.

Государю и польскому королю игра обоихъ актеровъ очень понравилась. Государь въ знакъ благодарности прислалъ тому и другому подарки. Дмитревскій сталъ передавать Яковлеву царскій подарокъ и говоритъ:

— Вотъ царь награждаетъ тебя за твою игру. И меня не худшимъ подаркомъ наградилъ. Но я самъ знаю, что хуже тебя игралъ. Самъ чувствую это, — устарѣлъ. А собственная оцѣнка — знай, братъ, —вѣрнѣе другихъ. Ты хоть и ученикъ, а превзошелъ меня—своего учителя.

— Оставьте! что̀ вы! — перебилъ его Яковлевъ. —Вы это изъ скромности говорите.

— Нѣтъ, братъ, не изъ скромности, а я чув-

ствую, что ты меня превзошелъ. Такъ вотъ — государь желаетъ, чтобы мы еще дали во дворцѣ представленіе. Но съ этихъ поръ я тебѣ уступаю свое мѣсто: ты будешь играть главную роль, а я—поменьше.

И Дмитревскій сдержалъ слово. Давалось во дворцѣ второе представленіе, -- Яковлевъ игралъ главную роль, а Дмитріевскій исполнялъ второстепенную.

XII.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Дмитревскій оставилъ службу на театрѣ. Насталъ для Россіи тяжелый 1812 годъ. Наполеонъ шелъ на Москву войною. Война съ каждымъ днемъ сильнѣй разгоралась. Сердце русскаго человѣка сильнѣй разрывалось отъ боли; каждому хотѣлось чѣмъ-нибудь пособить общему горю.

Старъ ужъ въ это время былъ Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій: ему было лѣтъ около восьмидесяти. Ему также хотѣлось чѣмъ-нибудь быть полезнымъ въ эту годину бѣдствій, — но чѣмъ можетъ помочь восьмидесятилѣтній старикъ? Не идти же ему въ ополченіе!

Какъ разъ въ это время по Россіи раздался кличъ: «Ктò хочетъ идти на врага? собирайтесь!» Со всѣхъ сторонъ русскаго государства стекались люди на войну: и молодые, и старые—всѣ, кто могъ, шли въ ополченіе.

Вотъ это самое и описалъ въ одной пьесѣ писатель того времени князь Шаховской. Пьесу онъ назвалъ: «*Всеобщее ополченіе*» и хотѣлъ, чтобы ее разыграли актеры на театрѣ. Думалъ онъ этимъ представленіемъ еще больше возбудить въ народѣ охоту идти на войну.

Князь Шаховской былъ увѣренъ, что Дмитревскій захочетъ участвовать въ новой пьесѣ. Такъ и вышло. Дмитревскій сказалъ: «Я ужъ очень старъ, и мнѣ нечѣмъ послужить теперь своей родинѣ. Такъ я послужу ей хоть тѣмъ, что на старости лѣтъ выйду на театръ во *Всеобщемъ ополченіи*».

И онъ вышелъ. Онъ представлялъ стараго, дряхлаго солдата, которому старость не дозволяетъ идти въ ряды воиновъ противъ Наполеона. А кáкъ бы онъ желалъ теперь стряхнуть съ себя свою хилость! Кáкъ охотно бы пошелъ противъ врага! И мучительно больно солдатскому сердцу, что старость сковала его члены: охоты много, а силъ нѣтъ. Солдатъ сѣдъ, какъ лунь, а бѣденъ — какъ послѣдній нищій. У него только и

достоянія, что солдатская шинель да нѣсколько заслуженныхъ серебряныхъ медалей. Это все, что̀ ему осталось; въ этомъ и его богатство, и его слава. Солдатъ плачетъ, что ему нечего пожертвовать родинѣ. Въ отчаяніи хватаетъ свои серебряныя медали, идетъ къ ополченцамъ и говоритъ: «Вотъ медали... Возьмите ихъ!.. Продайте... Больше у меня ничего нѣтъ, — это все мое достояніе...»

Дмитревскій игралъ такъ хорошо, что зрители заглушили театръ хлопаньемъ. (Въ театрѣ выказываютъ одобреніе актеру хлопаньемъ въ ладоши.)

Въ это представленіе театръ былъ переполненъ народомъ: ни одного мѣста пустаго не было. Зрители при видѣ дряхлаго Дмитревскаго въ роли стараго солдата плакали. Самъ Дмитревскій рыдалъ навзрыдъ.

Государь на другой день прислалъ Дмитревскому въ подарокъ запечатанный ящичекъ. Дрожащими старческими руками раскрылъ его Дмитревскій. Въ ящичкѣ лежалъ драгоцѣнный перстень, а при немъ записка государя. Въ запискѣ было написано: „Истинному сыну отечества, великому актеру“.

XIII.

Прошло послѣ этого лѣтъ пять. Уже успѣлъ умереть и актеръ Яковлевъ. Но Дмитревскій былъ еще живъ.

Въ театрѣ назначено было представленіе въ пользу вдовы умершаго актера Яковлева. Это значитъ, что всѣ деньги съ представленія предназначались ей.

Дмитревскому хотѣлось, чтобы для Яковлевой собрали какъ можно больше денегъ. Для этого онъ самъ пожелалъ участвовать въ представленіи. Скоро всѣ узнали, что будетъ играть Дмитревскій, и каждый спѣшилъ попасть на представленіе. Народа набралось множество. Театръ былъ полонъ. Но... Дмитревскій не могъ играть. Онъ еще утромъ измучился на *репетиціи*. (Такъ называется пробное представленіе, когда актеры играютъ безъ зрителей.) Къ вечеру Дмитревскій совсѣмъ больной лежалъ въ постели.

Но все же Дмитревскій своимъ именемъ помогъ вдовѣ Яковлева: сборъ съ представленія оказался большой—десять тысячъ!

Послѣ смерти Яковлева Дмитревскій прожилъ недолго. Онъ умеръ восьмидесяти-семи лѣтъ.

Послѣ него осталось большое потомство: кромѣ дочерей и сыновей, десять внучатъ и семь правнуковъ.

Похоронили Ивана Аѳанасьевича въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ.

Академія Наукъ выставила у себя статую Дмитревскаго—его каменное изображеніе. Академія же стала хлопотать о сборѣ денегъ на его памятникъ. Государь разрѣшилъ дать для этого въ казенномъ театрѣ представленіе и весь сборъ денежный употребить на памятникъ.

Такъ вотъ какой чести добился сынъ ярославскаго священника! Отецъ совѣстился, что его сынъ будетъ актеромъ, не позволилъ ему носить своей фамиліи,—а этотъ самый актеръ добился завидной славы. Его удостоивали вниманія цари; вельможи за честь считали знакомство съ нимъ; лучшіе русскіе писатели спрашивали у него совѣта; знаменитые Гàррикъ и Лекѐнъ считали его хорошимъ, искуснымъ актеромъ; зрители засыпàли его похвалами.

И все это Дмитревскій вполнѣ заслужилъ. Онъ научился за границей, кáкъ долженъ играть хорошій актеръ, и научилъ этому другихъ русскихъ актеровъ. Чтобы все это послѣ его смерти не забылось, онъ открылъ театральную школу, а въ

школѣ самъ воспитывалъ и училъ будущихъ актеровъ. Поэтому онъ знаменитъ не только, какъ хорошій русскій актеръ, но и какъ первый учитель театральнаго искусства въ Россіи.

Е. Некрасова.

КОНЕЦЪ.